

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

Материалы VI международной научно-практической конференции

17–18 мая 2019 г.

Брянск 2019

УДК 13.00.00

ББК 71

П78

П78 Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / под редакцией *Т.И. Рябовой*. – Брянск: БГИТУ, 2019. – 610 с.

ISBN 978-5-98573-256-6

Редакционная коллегия:

Рябова Т.И. – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой философии, истории и социологии БГИТУ.

Рудакова И.В. – кандидат философских наук, доцент БГИТУ.

Кулачков В.В. – кандидат исторических наук, доцент БГИТУ.

Рецензенты:

Шустов А.Ф., доктор философских наук, профессор, Брянский государственный аграрный университет.

Морозова С.И., кандидат педагогических наук, доцент, филиал ОАНО ВО «МПСУ» в г.Брянске.

В сборнике материалов VI международной научно-практической конференции «Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность» представлен многоаспектный анализ тенденций и перспектив социального и культурного развития страны.

Статьи изданы в авторской редакции.

УДК 13.00.00

ББК 71

ISBN 978-5-98573-256-6

©Издательство БГИТУ, 2019

©Коллектив авторов, 2019

<i>Осипов Т.А., Анохина А.А., Сафонов С.А., Туринцева Е.А.</i> Особенности формирования качественного потенциала молодых профессионалов.....	106
<i>Павлова Е.В., Проскурина А.В.</i> Изменение ценностных ориентаций молодежи в начале XXI века (по данным социологических исследований)	113
<i>Рудакова И.В.</i> Восприятие феномена «внимание» в молодежной среде...	117
<i>Фионова В.А., Туринцева Е.А.</i> Отношение молодежи к получению первого высшего образования.....	121
<i>Щеглова Л. В., Марченко А.Ю.</i> Социокультурная специфика реализации государственной молодежной политики в российской провинции.....	125
<i>Ямсков А.Н.</i> Кто мы? Белёвцы или туляки, старичане или тверичане? Локальный и региональный уровни пространственной идентичности старшеклассников в малых городах тульской и тверской областей.....	130
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....	137
<i>Гиниатуллина Л.М.</i> Роль органов здравоохранения Башкирии в медицинском обслуживании фронтовиков в послевоенные годы.....	137
<i>Головеев И.Ф.</i> Действия России в отношении китайской миграции на Дальнем Востоке второй половины XIX – начала XX в.....	142
<i>Гребенкин А.Н.</i> Социокультурный облик преподавателей российских военно-учебных заведений во 2-й половине XIX в.	146
<i>Гулютин Н.Н.</i> Николай II и его семья на страницах журнала «Нью-Йоркер» 1991–2008 гг.	155
<i>Жиброва Т.В., Руженцев С.Е.</i> «Бражные тюрьмы» XVII в. (от Воронежского кабака к кружечному двору)	159
<i>Кандаурова Т.Н.</i> Институты именных стипендий и попечительства как факторы формирования социокультурного пространства России в XIX – начале XX вв.: роль российского предпринимательского сообщества.....	162
<i>Крюкова С.С.</i> Дихотомия «богатство – бедность» в контексте представлений о чести и достоинстве в русской деревне второй половины XIX – начала XX вв.	172
<i>Кузьминых А.Л.</i> Развитие органов внутренних дел Вологодской области в 1965–1985 гг.	185
<i>Кулачков В.В.</i> Историографические аспекты изучения криминогенной обстановки в советской провинции 1920-х гг.	193
<i>Куперштох Н.А.</i> Новосибирский научный центр в XXI веке: исторические основания для реализации новых проектов	198
<i>Плех О.А.</i> Имущественное положение провинциального чиновничества в первой половине XIX в. (на материалах европейского севера России) ..	203
<i>Пономарева В.В.</i> «Знаменитая эпоха в институтской жизни», или публичные экзамены в закрытых женских институтах (XVIII — середина XIX в.).....	211
<i>Пфаненитиль Н.Г.</i> Учебная книга по истории в социокультурном	

причины распространения негативного образа Волгограда в местных и федеральных СМИ, реализацию мер по формированию положительных ассоциаций и привлекательных символов города и региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексин В.А., Плетнев Н.Я. Муниципальный молодежная политика и ее информационное обеспечение: учеб.пособие. М.: Логос. – 2003. – 184с.
2. Анипкин М.А. Категория «Социальный капитал» и ее использование в изучении российских регионов // Вестник ВолГУ. Сер.7. Философия. 2009 № 1(9). С. 89-94.
3. Гусев Б.Б. Современные тенденции формирования государственной молодежной политики в Российской Федерации // Социальная политика и социология. Междисциплинарный научно-практический журнал. - 2008 - № 1(37). - С. 49-59.
4. Григорьева Н.А., Симонова М.А. Государственная молодежная политика в современной России: тенденции и противоречия // Журнал перспективы науки. - 2014. - № 358(56). - С.15-19.
5. Кускова И.М. Молодежная политика Российской Федерации на муниципальном уровне в современных условиях (социологический аспект) // Социальная политика и социология. - 2008. - № 1. - С. 73-85.
6. Луков В.А. Молодежная политика и возможность ее гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 2. – С. 155–157.
7. Марченко А.Ю., Шипицин А.И. Взаимосвязь миграционных процессов и региональной идентичности // PRIMOASPECTU. - 2019. - №1(37). - С. 43-46.
8. Меркулов П.А., Малик Е.Н. Разработка государственной молодежной политики в России: история и современность // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. – 2015. - №2 (43). - С. 137-141.
9. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>

УДК 316.4

КТО МЫ? БЕЛЁВЦЫ ИЛИ ТУЛЯКИ, СТАРИЧАНЕ ИЛИ ТВЕРИЧАНЕ? ЛОКАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В МАЛЫХ ГОРОДАХ ТУЛЬСКОЙ И ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Ямсков Анатолий Николаевич

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия

Представлен анализ относительного значения локального (городского или районного) и регионального (областного) уровней территориальной идентичности в пространственной самоидентификации учащихся 11-х классов малых городов Белёва и Старицы. Анонимное анкетирование было проведено автором осенью 2017 и 2018 гг. по собственной методике.

Ключевые слова: территориальная идентичность, старшеклассники, Белёв, Старица, локальная идентичность, региональная идентичность

WHO ARE WE? BELYOVIANS OR TULIANS, STARITSIANS OR TVERIANS?
LOCAL AND REGIONAL LEVELS OF TERRITORIAL IDENTITIES OF
GRADUATE HIGH SCHOOL STUDENTS IN MINOR TOWNS OF TULA AND
TVER' REGIONS

Yamskov, Anatoly N.

Ph.D., Associate Professor, leading researcher,
Institute of Ethnology & Anthropology, R.A.S, Moscow

The paper presents an analysis of the relevance of local (pertaining to administrative rural district and/or its center – minor town) and regional (that of the “oblast”’) identities to the self-identification of the 11th grade high school students in the towns of Belyov and Staritsa. Anonymous questionnaires have been prepared, distributed and collected by the author in autumn of 2017 and 2018.

Keywords: territorial identity, high school students, Belyov, Staritsa, local identity, regional identity.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00274 ОГН (рук. – Н.И. Григулевич).

Исследовательский проект «Население малого русского города в XXI в.: этнокультурные, демографические, экологические и социально-экономические аспекты развития» был начат в 2017 г. [о первых итогах этой коллективной работы см.: 2]. В его рамках автор разрабатывает тему соотношения локального (привязанного к району и/или малому городу) и регионального (связанного с областью в целом) уровней пространственной идентичности среди учащихся 11-х классов [см., например, результаты 2017 г.: 8]. Ниже впервые представлены обобщенные итоги исследований 2017-2018 гг. по этой тематике.

Основную роль в изучении территориальной идентичности, естественно, играют географы, и в этой связи в первую очередь следует отметить капитальную монографию М.П. Крылова [3]. Однако этнологи тоже участвуют в подобных исследованиях, в том числе посредством анкетирования подростков и молодежи для выявления относительного значения для них локального, регионального и общегосударственного уровней идентичности наряду с этнической самоидентификацией [1, с. 81-82, 128]. Кстати говоря, при всех бесспорных достоинствах работ М.П. Крылова вряд ли стоит соглашаться с его тезисом о том, что якобы не надо разделять локальную и региональную территориальные идентичности [3, с. 22-23]. Напротив, этнологи успешно выявляют важную в ряде случаев роль локального уровня территориальной идентичности [1, с. 84; 5, с. 58-59]. Иногда даже можно уверенно говорить об

определенной выраженности некоего переходного уровня субрегионального пространственного самосознания [9].

Итак, в основе используемого далее подхода к исследованиям пространственной идентичности, или территориального самосознания, лежат следующие положения [см. также: 8, с. 270]. В данной сфере можно выделить такие уровни пространственной самоидентификации населения России, как: государственный (житель России, или россиянин), региональный (житель области или республики в составе Российской Федерации), локальный (житель отдельного города или сельского района в составе области/республики РФ), местный (психологическая привязанность к части города или района, группе деревень или крупному селению). Однако государственный уровень территориальной идентичности практически сливается с гражданской (иначе говоря, национально-государственной) самоидентификацией личности, и потому его нецелесообразно рассматривать в отрыве от последней. Напротив, для понимаемых указанным образом региональной, локальной и местной составляющих пространственной идентичности человека, на первый план выходят именно чувства его сопричастности к соответствующей территории и, в меньшей степени, к её жителям. Иными словами, за территориальными аспектами идентичности стоят не только и не столько собственно пространственные составляющие самосознания (идентичности), но и социальные – ощущение своей принадлежности к местным, локальным и региональным сообществам, то есть к населению соответствующих территорий [о последнем аспекте см. также: 6, с. 83].

Как мне уже доводилось отмечать [8, с. 270-271], Белёв в Тульской и Старица в Тверской областях являются историческими городами Центральной России в самом полном и точном смысле этих слов. Оба города были столицами княжеств в соответственно XV-XVI и XVI вв., оба с конца XVIII в. являлись центрами одноименных уездов Тульской и Тверской губерний, а с 1920-х гг. – районными центрами данных областей. В обоих этих случаях территории указанных уездов, равно как и бывших княжеств, существенно превышали современные площади Белёвского и Старицкого районов. Также имели место сложные исторические перипетии с границами и принадлежностью уездов: в XVIII в. Белёв одно время относился к Орловской провинции, а Старица побывала в составе Смоленской и Новгородской губерний. После начала 1920-х гг. частично менялись границы обоих районов.

Представление об особом положении Белёва и Старицы в соответственно Тульской и Тверской областях разделяют также ведущие отечественные

специалисты по культурной и исторической географии. Так, по авторитетному мнению М.П. Крылова, указанные города не входят в центральные части Тульского или Тверского «исторических краев». С точки зрения проведенного им «историко-географического анализа», ядром Тульского края являются Тула, Богородицк, Епифань и их окрестности, а ядром Тверского края – Тверь, Зубцов и Кимры с окрестностями [3, с. 99-101]. А.Г. Манаков несколько иначе решает задачу по районированию, например, Верхней Волги на «исторические (историко-культурные) края» и «провинции», но и он тоже относит г. Старицу с окрестностями к отдельной «Верхневолжской земле», тогда как города Тверь, Торжок и непосредственно прилегающие к ним территории составляют, по его мнению, собственно «Тверскую землю». Обе эти и некоторые другие соседние земли входят в «Тверскую провинцию» Центральной России [4, с. 155-156].

Таким образом, в Белёве и Старице сложились по сути наилучшие исторические предпосылки для заметного проявления локального (городского и/или районного) уровня территориального самосознания у местных жителей.

Анонимное анкетирование учащихся 11-х классов в школах г. Белёва Тульской области, с общим населением 13180 человек на 1.01.2018 г. [7, с. 88-118], и г. Старицы Тверской области, с населением 7676 человек на 1.01.2018 г. [7, с. 88-118], было нацелено прежде всего на выяснение пространственных аспектов их идентичности. Оно было проведено автором в сентябре-октябре 2017 г. и 2018 г. в учебное время с помощью учителей, обеспечивавших дисциплину в классах [об этом см. также: 9, с. 73-74]. Во всех случаях были получены выборки, вполне репрезентативные для учеников выпускных классов. Так, в 2017 г. и в 2018 г. в Белёве данные анкеты в той или иной степени заполнили 77% и 79% одиннадцатиклассников города, в Старице – соответственно 67% и 77%. В Белёве были обследованы обе основные школы № 1 и № 4, а в школе № 3, где в 11-м классе в 2017 г. было всего 7 учащихся, а в 2018 г. – только 5 учеников, данное исследование не проводилось. В Старице анкетирование проходило в городской школе и в школе деревни Ново-Ямская – последняя расположена буквально на границе с территорией г. Старица, и большинство учащихся в этой школе проживает в указанном городе. Во всех этих школах, включая ново-ямскую, от 5% до 10%-15% учащихся – жители соседних деревень, приезжающие на учебу в эти города или в Ново-Ямскую.

Отношение учащихся к анкетированию можно оценить как весьма заинтересованное и ответственное. В частности, из опрошенных в обоих городах по данной тематике за два года 169 человек только в ново-ямской школе в 2018 г. в одном случае были выявлены якобы «шутливые» ответы, и

ещё одна анкета была там возвращена совсем незаполненной. Ученики 11-х классов в Белёве и Старице в подавляющем своём большинстве, то есть до 90% и более, после окончания школы уезжают из дома и поступают в вузы, в том числе на платные отделения. В последние годы в этих малых городах после окончания 9 класса от половины до двух третей учащихся покидают школы и поступают в колледжи, в своих городах или в соседних районных центрах. Поэтому в 10-х и 11-х классах остаются только те подростки, которые в основном нацелены на получение высшего образования и серьёзно относятся к учебе и к школе в целом. Так что высказанные ими мнения следует считать достаточно продуманными и вполне обоснованными.

В процессе анкетирования учащиеся вначале заполняли другую анкету, посвященную выяснению мест рождения респондента, его/её родителей, дедушек и бабушек по отцовской и материнской линиям, которая содержит, соответственно, семь открытых вопросов [о данной части исследования см. подробнее: 2, с. 86-92]. Это задавало общий контекст указанного мероприятия.

Затем старшеклассники переходили к анкете по территориальной идентичности, состоявшей из всего трёх вопросов [см. подробнее: 8]. Первый открытый вопрос – о том, как респондент назвал бы ту территорию, на которой он проживает, например: *«Я думаю, что г. Белёв и Белёвский район входят в состав территории, которая называется: ...»*. Ответы на этот вопрос показывают в основном относительное распространение региональной (областной) и общегосударственной форм идентичности. Второй открытый вопрос продолжает тему пространственного положения данного города и одноименного района. В нём внимание анкетированного фокусируется уже на территориях из ближайшего окружения, то есть на тех соседних районах, которые, по его/её мнению, населяют люди, исторически и по культуре наиболее близкие респонденту и жителям обследуемого города и района [об этой проблематике см. подробнее: 8].

Третий и ведущий по своему значению для данного исследования закрытый вопрос анкеты предоставляет респонденту возможность ранжировать по значимости для себя идентификацию с россиянами в целом (гражданами РФ), русскими (или лицами иной национальности, с просьбой указать таковую), жителями соответствующей области, населением данного города и/или района (всего 4 варианта для ранжирования). При ранжировании вышеперечисленных уровней идентичности с точки зрения их значимости для респондентов, у последних появляется возможность фактически напрямую сопоставить относительные значения локальной (городской и/или районной) и

региональной (областной) форм самоидентификации. Следует подчеркнуть, что варианты ответов для ранжирования перечисляются в анкете от самого обобщающего (россияне) через более общий (русские или представители иной национальности, с дополнительной просьбой указать последнюю) к более частному (жители области) и ещё более частному (жители города/района).

Контекст анкеты и сам последний вопрос явно ориентируют респондентов на внимание именно к территориальным аспектам идентичности, ведь данный вопрос звучит так: *«Когда я задумываюсь о том, кем именно ощущаю себя в первую очередь, или когда в Москве или другом месте вдали от дома откровенно отвечаю на вопрос "Кто ты?", то называю себя так: ...»*. То есть здесь присутствует прямая подсказка подумать о том, кем бы он/она назвали себя «в Москве». Эти слова, несомненно, подталкивают к выбору прежде всего между локальным (городским/районным – белёвцы, старичане) или региональным (областным – туляки, тверичане) уровнями идентичности, поскольку нет ведь особого смысла определять себя «русским» или «россиянином» в Москве, где таковых явное большинство.

Кроме того, при заполнении данной анкеты, в случае неуверенности или нежелания респондента особенно вдумываться в эту её часть, ему/ей было проще всего придать более высокий ранг региональному (областному) уровню идентичности, стоящему выше локального (городского/ районного). Данная особенность анкеты, то есть присущий ей некий стимул завышать значимость регионального уровня идентичности в сравнении с локальным, тоже сказалась, вероятно, на приведённых ниже цифрах. Тем интереснее и важнее полученные результаты, судя по которым, локальный (городской и/или районный) вариант территориальной самоидентификации для старшеклассников Белёва и Старицы почти столь же важен, как и региональный (областной).

Полученные количественные данные, позволяющие сделать приведенное выше заключение, таковы. В Белёве были собраны 86 анкет (48 в 2017 г. и 38 в 2018 г.; здесь и далее в скобках дана разбивка общего показателя по этим двум годам обследования), в Старице – 83 анкеты (соответственно 39 и 44). Из них на третий вопрос анкеты достаточно полно, то есть предоставив возможность оценить относительный ранг регионального уровня территориальной идентичности в сравнении с локальным, ответили 67 человек (38 и 29) в Белёве и 51 человек (25 и 26) в Старице. Приняв последние цифры за 100%, мы увидим, что в Белёве региональную (областную) идентичность поставили для себя выше по значению, чем локальную (городскую и/или районную), 54% респондентов (53% и 55%), а в Старице – соответственно 55% ответивших (56%

и 54%). С другой стороны, приоритет городской или районной (локальной) идентичности по отношению к областной (региональной) отметили в своих анкетах 45% респондентов в Старице (44% и 46%), а в Белёве соответствующий показатель – 46% (47% и 45% в соответственно 2017 г. и 2018 г.).

При анализе вышеприведенных сведений необходимо учитывать, что, во-первых, речь идёт об ответах только тех респондентов, которые в анкетах указали свою русскую национальность либо не указали никакой иной, заполняя анкеты по умолчанию как русские. Например, в Белёве в 2017 г. анкеты также сдали лачка и даргинка, в Старице в 2017 г. – украинец и аварец, а в 2018 г. – чеченка и грузин. Во всех прошлых моих публикациях по данной тематике их ответы, естественно, учитывались, а в данной работе – уже нет. Дело в том, что в 2018 г. нами был организован и проведён массовый репрезентативный социологический опрос жителей Белёва и Старицы разных возрастов и социального положения, но только русской национальности. Для обеспечения сопоставимости данных анкетирования старшеклассников с материалами этого опроса стало необходимым принимать во внимание национальность анкетиртуемых. Во-вторых, в прошлых публикациях затрагивались многие иные вопросы или аспекты идентичности старшеклассников, и потому несколько иначе определялся массив «полных» ответов, пригодных для обработки. Поэтому между цифрами из данной работы и из прошлых моих публикаций могут быть небольшие разночтения.

Предложенная методика сбора и анализа количественной информации об относительной роли локального и регионального уровней пространственной идентичности в системе самоидентификации старшеклассников, а также о значении для них гражданской (национально-государственной) и этнической форм идентичности, равно как и некоторые другие выводы и заключения о специфике этих аспектов самосознания учащейся молодёжи Белёва и Старицы, более подробно рассмотрены в авторском разделе коллективной монографии о первых результатах работы над этим проектом [2, с. 92-101].

Благодарности.

Выражаю искреннюю признательность за помощь в организации анкетирования старшеклассников заведующим районными Отделами образования Л.А. Евстратовой (Белёв), С.В. Марченко (Старица), Е.Н. Журавкиной (Белёв), директорам школ Н.И. Билетиной (Старица), М.В. Стоговой (Ново-Ямская), И.А. Соколовой (Белёв), а также завучу Ж.В. Голиковой, заместителю директора В.Ю. Басанской, учителям Н.В. Аверьяновой и Л.Ф. Касаевой из школ г. Белёва.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Молодёжь в городах Калининградской области. – М.: ИЭА РАН, 2017. – 132 с. [Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии», вып. 260]
2. Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Остапенко Л.В., Сабина Д.С., Субботина И.А., Ямсков А.Н. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 111 с. [Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии», вып. 267] <http://doi.org/10.5281/zenodo.2575296>
3. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010. – 240 с.
4. Манаков А.Г. Основы культурно-географической регионалистики. – Псков: Изд-во ПГПУ, 2005. – 188 с.
5. Савоскул С.С. Локальная идентичность современных россиян (опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 2. – С. 58-73.
6. Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 83–99.
7. Численность населения городов и поселков городского типа по федеральным округам и субъектам Российской Федерации на 1 января 2018 г. (Таблица № 21) // Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 г. – М.: Росстат, 2018. – С. 88-118.
8. Ямсков А.Н. Региональное и локальное самосознание жителей малых городов Центральной России (по итогам анкетирования старшеклассников Белёва и Старицы) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Материалы VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16-17 ноября 2017 г. / Сост. И.В. Маслова, И.Е. Крапоткина, Г.В. Бурдина. – Елабуга: Елабужский институт КФУ, 2017. – С. 270-273 <http://doi.org/10.5281/zenodo.2650271>
9. Ямсков А.Н. Отражение культурно-исторических связей с соседними районами в пространственной идентичности старшеклассников Белёва и Старицы // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения): материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием; г. Рязань, 21-22 ноября 2018 г. / Отв. ред.: Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. – М.: Издательство Ипполитова, 2018. – С. 73-79 <http://doi.org/10.5281/zenodo.2650283>

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

УДК 61:94(470.57) «1941/1945»

РОЛЬ ОРГАНОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ БАШКИРИИ В МЕДИЦИНСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ ФРОНТОВИКОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Гиниатуллина Луиза Мидахатовна

аспирант Института истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАНг. Уфа, Россия.